

Георгий КАСЬЯНОВ

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ УКРАИНСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ***

В общем, помни вот что – я это часто повторяю: не пиши, считаясь только с современностью, с тем чтобы современники тебя хвалили и читали, а работай, имея в виду будущее, пиши лучше для последующих поколений, и от них добивайся награды за свой труд, чтобы и о тебе говорили: “Это был действительно свободный человек, исполненный искренности; в нем не было ничего подобострастного и рабского, и во всем, что он говорил, была правда...”. Так следует и историю писать: правдиво, имея в виду то, чего следует ждать от будущего, а не льстиво, ради удовольствия современников. Вот тебе правило и мерило истинной исторической книги.

Лукиан из Самосаты, “Как следует писать историю”

В 1995 г. журнал “*Slavic Review*” посвятил отдельный номер рассмотрению проблемы, сформулированной в статье Марка фон Хаге-

* Перевод с украинского Ксении Булгаковой.

на: “Есть ли у Украины история?”¹ Дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала (в ней приняли участие только два историка с Украины), почти не затронула наше профессиональное историческое сообщество. Кроме того, эта дискуссия, начавшись с действительно фундаментальной проблемы, в значительной степени перешла в несколько иную плоскость: к выяснению состояния украинистики в университетах Северной Америки. Мне кажется, что большинство проблем, поднятых М. фон Хагеном и его собеседниками, остались актуальными и сегодня, некоторые из них перешли в иное качество, наконец, другие стали более явными. На Украине наблюдались спорадические, иногда довольно основательные попытки начать дискуссию – однако формулирование и переформулирование проблем не привело к каким-нибудь заметным сдвигам хотя бы в деле привлечения профессионального сообщества к их обсуждению.² Эти очерки – попытка еще раз поставить ряд вопросов, которые, кажется, имеют принципиальное значение для развития исследований в области украинской истории (далее будет употребляться термин “украинская историография”), и, возможно, для украинского обществоведения в целом.

Методологические аспекты

Власть – идеология – историография. Начнем наши рассуждения с вопроса, который на первый взгляд выглядит либо искусственным, либо слишком банальным для профессионального историка: как изменились и изменились ли вообще отношения идеологии и науки? Существует ли прямая или опосредованная связь между политическими интересами правительственных верхов и историографией? Самый простой вариант: существует ли идеологический заказ – в старом, как в советское время, или в обновленном, адаптированном виде? Естественно, здесь речь не идет о сугубо инструментальных аспектах, ког-

¹ Mark von Hagen. Does Ukraine Have a History? // Slavic Review. 1995. Vol. 54. No 3. Русский перевод см. в Ab Imperio. 2000. № 1. С. 37-51.

² Формування української нації: історія та інтерпретації. Матеріали круглого столу істориків України. Львів, 1995; Н. Яковенко. Кілька спостережень над модифікаціями українського національного міфу в історіографії // Дух і літера. 1998. № 3-4; О. Ресент. Сучасна історична наука в Україні: шляхи поступу // Укр. іст. журн. 1999. № 3; В. Потульницький. Українська та світова історична наука: рефлексії на межі століть // Укр. іст. журн. 2000. №№ 1, 2, 3, 4; Г. Касьянов. Ще не вмерла українська історіографія // Критика. 2002. № 4.

да те или иные государственные органы обращаются к историкам за справкой или с запросом из области геральдики, нумизматики либо исторической географии. Мы не будем рассматривать варианты “ведомственного летописания”, когда по заказу тех или иных государственных органов и институтов пишется их история. Наконец, не слишком интересен и тот вариант непосредственного контакта власти с наукой, когда высокопоставленные чиновники легитимизируются как научные деятели, обозначая себя как авторов, соавторов, научных редакторов и одновременно давая возможность подкормиться соавторам из научных кругов – *vanitas vanitatum et omnia vanitas* – едва ли тут нужен какой-то дополнительный комментарий, и именно здесь проходят границы банальности, о которой было упомянуто выше.

Нас интересует другое: как политическая конъюнктура влияет на формирование исследовательского поля в современной украинской историографии? Этот вопрос совершенно уместен в контексте одного из наиболее стандартных для большинства украинских историков утверждений, которое сводится к “стремлению к объективности”. Попробуем сформулировать исходный тезис таким образом: современная политическая элита Украины (или политические элиты) стремится к собственной легитимизации именно в качестве *национальной* элиты. При этом понятие “национальная” достаточно четко отождествляется с понятием “государственная”. Это утверждение совершенно естественно способно вызвать ряд замечаний, начиная с известного высказывания Л. Кучмы о том, что национальная идея не сработала, и заканчивая размышлениями о том, что вообще наша политическая элита занята прежде всего борьбой за власть и доходы, а ее политическая *национальная* самоидентификация продиктована ее гражданством, логикой ситуации и интересами упомянутой борьбы. Все эти замечания были и будут совершенно справедливыми, но они не меняют сути того, что происходит: у политических “верхов” нет другого выбора, кроме отождествления себя с определенной политической единицей, которая сейчас легитимизируется как государство Украина – именно в границах этой единицы у них есть необходимый для их существования объем власти. И именно поэтому для них “национальное” тождественно “государственному”. Соответственно, независимо от субъективных пристрастий, представителям государственно-политической элиты необходима легитимизация их статуса и статуса государства, в котором они правят. Таким образом, можно допустить, что с этой стороны существует вполне предвиденный заказ.

Вполне понятно, что сейчас этот заказ не формулируется в том классическом виде, в котором он существовал во времена моноидеологической системы (кроме случаев, о которых шла речь выше). Однако, поскольку государство поддерживает (пусть и на уровне не совсем приличной бедности) целую систему институций и учреждений, можно было бы ожидать, что именно они сформулируют этот заказ. Действительно, существует определенное “силовое поле”, формируемое в результате взаимодействия ряда факторов: есть новое государство, у него есть государственно-политическая элита, есть определенная стандартная программа, по которой происходит стандартное нацие-государствостроительство в определенном типе обществ. Украина не является исключением, соответственно, украинская историография должна была бы сработать полностью в рамках этого “силового поля”.

Историки, прямо или опосредованно, продолжают в значительной мере обслуживать интересы власти и идеологии, отвечающей этим интересам (даже если эта идеология существует преимущественно в виде “силового поля”, а не четко сформулированного набора постулатов). В современных конкретных условиях это означает реализацию “национального проекта” в его “государственническом” варианте. Естественно, здесь присутствуют отклонения от “генеральной линии”, довольно часто может существовать целая иерархия опосредованных связей, однако все это действует в рамках одной тенденции, связанной с внутренними потребностями становления нового сообщества. Комплекс явлений, связанных с развитием этой тенденции, можно было бы охарактеризовать как “официальную историографию”, однако такой термин был бы некорректным, поскольку содержал бы намек на официальные институции, где работает немало исследователей, не подпадающих под это определение. Поэтому, кажется, в данном случае следовало бы употребить термин *нормативная историография*. Это именно та историография, которая формулирует познавательный и интерпретационный канон, обслуживая непосредственный или опосредованный заказ правящей политической элиты. Она вмонтирована в господствующую идеологическую систему, и изменения в ней возможны только с изменениями в этой системе. Именно это обеспечивает нормативной историографии относительную стабильность, и именно эта стабильность ограничивает ее возможности обновления и поступательного развития, программируя ее на экстенсивные формы.

“Национализация” истории: стандартизация пространства

Простой просмотр “массовой” продукции, связанной с развитием нормативной истории, свидетельствует, что в сознании и подсознании “среднестатистического” украинского историка постоянно присутствует своего рода “патриотический экстаз” большей или меньшей интенсивности, хотя обычно субъективно он так не воспринимается. Здесь можно встретить определенные вариации: от наивно-дидактичных конструкций, призванных доказать преемственность украинской нации от трипольцев до наших дней – до более основательных позитивистских/модернистских проявлений “легитимизаторского” синдрома.

Ренессанс патриотической историографии с явным перевесом народнической версии украинской истории, естественно, нельзя объяснить только политическими амбициями элит или унаследованной институциональной инерцией. Совершенно очевидно, что легитимизационный синдром порожден и самой познавательной ситуацией, и определенными общественными настроениями и переживаниями. Обращение к классической историографической схеме столетней давности объясняется определенным сходством идеологической ситуации современной Украины и Украины столетней давности. Нация невозможна без национальной истории. Национальную историю создавали именно в рамках патриотической и народнической схемы на рубеже XIX – XX вв. Теперь, когда строительство нации вновь актуально (модифицируя лозунг времен итальянского Рисорджименто, можно сказать: Украину создали, теперь нужно создать украинцев), вполне естественным выглядит возвращение к этой схеме. Да и вообще, возможна ли *национальная* история вне патриотического стандарта? Вопрос выглядит риторическим, но, если отказаться от идеи национальной истории в ее классическом, линейно-телеологическом, этноцентрическом виде, он может стать полностью уместным.

Неудержимый “драйв” к патриотическому писанию истории усиливает еще один важный компонент процесса создания нации – формирование Пантеона, что в конкретных украинских условиях в значительной степени совпадает с заданием “реабилитации выдающихся личностей”. И тут безусловным лидером становится Грушевский. Как кандидат на канонизацию он отвечает всем требованиям: сам он подвергался гонениям, его историческая схема полностью созвучна требованиям времени, ее нужно “реабилитировать”, поскольку она была запрещенной, наконец, образ выдающегося историка, “отреставриро-

ванного” под “классического интеллигента”, выглядит чрезвычайно привлекательно для любителей памятников – как литературных, так и скульптурных. Круг замыкается: канонизация выдающегося историка государством автоматически ведет к канонизации его профессионального наследия. Физическая монументальность каменной фигуры, появившейся в двух городах Украины, трансформировалась в монументальность интеллектуальную. Концепция национальной истории Грушевского прямо или опосредованно, большей частью без критического переосмысления и комментариев, становится доминантой монографий, вузовских и школьных учебников и популярных очерков.³

Если попробовать отвлечься от основных внешних факторов, провоцирующих “национализацию” истории и возвращение патриотической историографии, и обратиться к внутренним факторам, лежащим в основе этих процессов, станет очевидным, что познавательная ситуация, сложившаяся в начале 1990-х, запрограммировала одно общее задание для профессионального сообщества: *превращение Украины из объекта истории в субъект*. Подавляющее большинство историков Украины восприняли это задание совершенно естественно – для них оно было связано с вопросом о *становлении нации*, центральным для любой патриотической версии истории.

Если говорить о содержательной части нормативной историографии, то несложно заметить, что национальная история подается преимущественно в рамках этногенетических концепций. Более или менее универсализированная *научная* этногенетическая или этницистская концепция нациогенеза выглядит так:

1. нации создаются не “с нуля”, а на основе этнических сообществ – реальных или “сконструированных”, “изобретенных”;
2. этногенез связан с нациогенезом через определенные элементы культурной преемственности (символы, мифы, традиция);
3. эти элементы культурной преемственности качественно изменяются, особенно в период создания нации, когда они приобретают инструментальное значение.

В “либеральном” варианте этногенетической концепции нациогенеза, более характерном для национальной историографии тех наций, которые уже реализовали свой “национальный проект”, на *аналити-*

³ Недавно сделан решающий шаг в канонизации М. Грушевского: начато издание 50-томного (!!!) собрания работ выдающегося историка – комментарии, кажется, излишни.

ческом уровне понятия “этнос”, “этническая группа”, “этногенез”, как правило, отделяются от понятий “нация” и “нациогенез”. В варианте нормативной историографии, который обычно связан с легитимизаторскими амбициями наций, доказывающих основательность своего “национального проекта”, представления о этнонациогенезе, во-первых, исключают аналитическое разделение понятий “нация” и “этнос” – они просто отождествляются, при этом исследователь отвергает допущение, что он имеет дело с представлениями, а не явлениями. Эссенциализм тут обязателен, иначе все утрачивает смысл.

Во-вторых, существует абсолютизация элементов преемственности, которая неуклонно ведет историков в “объятия” примордиализма и телеологии. Процесс становления этноса-нации выглядит как система взаимообусловленных иерархических связей, либо имеющих древнюю природу, либо порожденных рядом “цепных реакций”. Совершенно ясно, что причинно-следственные связи также выстроены в линейную иерархию. Детерминизм является тем элементом конструкции, без которого она просто исчезает.

В-третьих, преемственность интерпретируется как органичный, естественный элемент, возможность сознательной ре-интерпретации элементов культурного наследия не анализируется (хотя довольно часто подается на уровне фактографии). Если даже иногда и допускается вариант “изобретения традиции”, сознательных усилий “будителей” нации, он также подается как составляющая органичного, имманентного движения “нации-в-себе” к “нации-для-себя”. Поскольку базовым элементом преемственности в условиях периодической потери и восстановления государственности является народ, эта версия обязательно будет *этноцентричной*, а понятие “нация” – синонимичной понятию этноса.

Аксиоматичная современная версия нациогенеза (или, точнее, этногенеза) в обобщенном виде выглядит следующим образом: украинцы (как этнос/народ и потенциальная нация, или “нация в себе”) существуют со стародавних времен. Наиболее экзотические версии выводят родословную украинцев от ариев или даже от Иисуса Христа, но, к счастью, профессиональные историки к этому не причастны. В период Киевской Руси украинцы сформировали этнокультурное (в других вариантах – этносоциальное или даже этнополитическое, то есть национальное) сообщество, которое в XVI – XVIII вв. пыталось оформиться в политическое или национально-государственное. Пережив XIX в. в “латентном состоянии” в составе империй, украинское

этнокультурное сообщество испытало “национальное возрождение”, следствием которого стало формирование “модерной (современной) украинской нации”. Последний термин, естественно, предусматривает существование “домодерной украинской нации”, с которой, в свою очередь, периодически отождествляется понятие “украинский народ”.⁴ Фактически, эта версия является простой репродукцией (иногда с прибавлением нового фактического материала) классического варианта исторической концепции периода “национального возрождения” большинства восточно- или южноевропейских наций, которая была сформулирована и с большим или меньшим успехом отработана в XIX – начале XX в. Это тот “пакет”, который предлагается массовому потребителю. Варианты возможны, но “за отдельную плату”.

Таким образом, нациоцентричная версия истории, как и следовало ожидать, стала версией официальной. Патриотическая историография, в которой доминирует концепция национальной истории Грушевского, стала официальной историографией. В начале XXI в. подавляющее большинство украинских историков приняло как данность методологические постулаты XIX в. Совершенно ясно, что этот методологический эллипс был неминуем; не менее очевидно, что предложение “Украинская нация – это...”, начатое в XIX в., приходится заканчивать сейчас, используя для этого словарь и понятийный набор столетней давности. Главное, чтобы в конце концов возникло желание сменить этот словарь и набор понятий.

Итак, подытоживая массовую тенденцию, можно сказать, что на протяжении последнего десятилетия в историографии Украины происходил переход от писания классово-исторической истории к классической национальной истории со всей соответствующей атрибутикой последней: гипертрофированной линейностью, телеологией, этнической эксклюзивностью, детерминизмом и патриотическим напряжением. Очень характерно и то, что все эти признаки достаточно комфортно сосуществуют с рудиментами еще не забытой эрзац-марксистской традиции, прежде всего, со склонностью к социологизаторским схемам или вуль-

⁴ Более детальный анализ современных этногенетических концепций формирования украинской нации см.: Г. Касьянов. Націогенеза українців у сучасній історіографії: версії // Схід–Захід (Харків). 2001. № 2, или: G. Kasianov. *Rewriting and Rethinking: Contemporary Historiography and Nation Building in Ukraine* // Taras Kuzio and Paul D’Anieri (Eds.) *Dilemmas of State-Led Nation Building in Ukraine*. Westport, Conn., 2002. Pp.29-46

гарному социологизму. (Впрочем, если принять во внимание ренессанс народнической историографии, это вполне естественный вариант сосуществования). При этом стоит помнить, что “национальный проект” в данном случае явился достаточно лапидарной модификацией познавательных стандартов столетней давности – почти никто не стал “изобретать велосипед” и заниматься реальным переосмыслением.

Дифференциация пространства

Украина (так же, как и большинство бывших республик СССР) переживает процесс “национализации” истории в эпоху, когда глобальный политический, экономический и интеллектуальный контекст является качественно иным. Ссылаясь на пример Латвии, белорусская исследовательница Е. Трубина пишет, что политики и интеллектуалы и в целом “публика” в странах, подобных Латвии, ощущают двойное давление двух дискурсов и двух типов социально-культурной реальности, которые обычно обозначают как модернность и постмодернность. Модернизм выдвигает задачу конструирования национальной идентичности, утверждения национальных традиций и ценностей, водворения в сознании людей идеи исторической непрерывности. С другой стороны – постмодернизм, который появляется на фоне глобалистических тенденций и транснационального взаимодействия, изменяет традиционные формы и восприятие национальной идентичности. “На этом фоне, – замечает Е. Трубина, – практически вся национальная риторика, предусматривающая привязанность к корням, патриотизм и т. п., утрачивает эффективность”.⁵ Можно предположить, что эти рассуждения в полной мере касаются Украины. Добавим только, что проект модерности, которым сейчас увлечено подавляющее большинство историков, приходится реализовывать в эпоху доминирования мировых тенденций иного характера, что обрекает современных украинских историков либо на довольно стандартные реакции и пребывание в состоянии дежа-вю, либо на серьезный методологический конфликт с окружением для части исследователей, выпадающих за рамки стандартной патриотической схемы.

⁵ Елена Трубина. Места памяти, монументы и “новая демократия” // *Топос*. 2000. № 3. С. 81. Более масштабное осмысление состояния исторического знания в эпоху “моды” на постмодернизм см. в интеллектуально изысканных эссе харьковского автора Лидии Стародубцевой: Л. Стародубцева. *Лики памяти*. Харьков, 1999.

Выход во “внешний мир” с его разнообразием методологий, привычкой к относительно мирному сосуществованию разных версий историографии и последствиями агрессии постмодернизма делает понятными стремления тех историков, которых не устраивает привычная схема патриотического исторического нарратива. Собственно, взаимодействием этих двух направлений и определяется в значительной степени интеллектуальный облик современной украинской историографии, по крайней мере на макроуровне – на уровне методологий. Это приводит к сосуществованию в современной украинской историографии тенденций, которые в условиях моноидеологического общества были бы несовместимы. С одной стороны, господствует идеологическая монотонность, порожденная внутренним заказом. С другой – идеологическая аморфность самой власти и информационная экспансия вместе с тенденцией к увеличению институционального разнообразия исследовательских структур нарушают эту монотонность, постепенно подрывая монополию идеологически апробированной историографии.

Постепенно расширяющееся разнообразие интеллектуального выбора приводит к очень интересным парадоксам, которые позволяют надеяться, что украинская историография преодолет рецидивы детских болезней. В качестве примера обратимся к двум чрезвычайно интересным проектам, реализованным украинскими историками в течение последних пяти лет.

Первый – “Украина сквозь века” – с самого начала имел статус официального, поскольку институционально осуществлялся под эгидой Института истории Украины Национальной Академии Наук. Его достижения теперь признаны и освящены государством (часть авторов отмечена Государственной премией Украины). Второй – “Очерк истории Украины” (авторы Н. Яковенко и Я. Грицак) – был поддержан западными спонсорами и до определенной степени задумывался как вызов официальным концепциям и как попытка предложить более удаленную от официальной идеологии версию.

Результаты этих двух проектов очень интересны не только потому, что они лишь частично реализовали цели, поставленные их авторами – ясно, что ни одна идея никогда не реализуется на все 100%. Дело в том, что, вопреки реальной или мнимой взаимной альтернативности, в некоторых моментах оба проекта поражают своим сходством, в частности там, где они отклоняются от своих собственных “генеральных линий”.

“Украина сквозь века” стала расширенной версией сборника очерков, изданного сначала под лозунгом “История Украины: новое видение”, подготовленного коллективом авторов Института истории Украины и несколько раз переизданного издательством “Альтернативы” как учебное пособие. Следует упомянуть о том, что этот труд рассматривался его как альтернатива курсу истории Украины канадского историка Ореста Субтельного инициаторами (разумеется, это не афишировалось), ставшего невероятно популярным в Украине благодаря доступности, удачной композиции материала и необычным для украинского читателя интерпретациям. Сам Субтельный, писавший свою книгу, прежде всего, для неукраинской аудитории и на основе вторичных материалов, был весьма обескуражен такой тотальной “субтельнизацией” Украины: доходило до того, что ссылки на его популяризаторскую работу стали появляться в научных трудах, авторы которых использовали труд Субтельного как фактографический источник.

Название многотомного издания – “Украина сквозь века” – достаточно красноречиво, оно, по крайней мере на первый взгляд, вызывает явные ассоциации с классическими нарративами патриотической историографии. Однако содержание сериала явно не соответствует названию. Как пояснил автор идеи академик В. Смолий уже после выхода в свет всех томов, речь шла о создании такой версии отечественной истории, которая охватывала бы историческим временем современную территорию Украины и была бы основана на самых современных достижениях украинских историков (последнее утверждение, разумеется, предполагает разные толкования). Серия была издана как ряд персональных либо написанных в соавторстве работ, объединенных, скорее, названием, чем концепцией. Интересно, что у каждого автора была возможность высказаться таким образом, который он считал наиболее приемлемым для себя (кстати, именно поэтому качество томов очень разное). Под единым девизом вышла серия версий отдельных периодов украинской (причем, не всегда национальной в классическом смысле) истории, версий, представляющих достаточно разные взгляды как на содержание, так и на форму исторических процессов – заметим, что иногда различные подходы формулировались авторами в рамках одного тома. Возможно, лучшим названием было бы что-то вроде “Украины сквозь века”.

Однако, как известно, восприятие произведения читателями отличается от его восприятия автором или авторами. Общение автора этих строк с коллегами и студентами и отзывы, полученные от них, свиде-

тельствуют, что идеологически, на уровне общественного восприятия, этот проект так или иначе срабатывает на идею реконструкции именно национальной истории, которая трактуется как история этническая, а его внутреннее интерпретационное разнообразие воспринимается скорее как ситуативное, чем как результат четко сформулированной исследовательской стратегии (хотя попытки выработать ее были на этапе подготовки первого однотомного варианта – они провалились из-за нежелания авторов “причесываться под одну гребенку”). Следует вспомнить и то, что определенные компоненты этого проекта (и именно те, которые делают акцент на “национализации” истории) автоматически и некритически были вмонтированы в обучающие программы и курсы без какой-либо серьезной научной дискуссии и презентации альтернативных подходов. Наиболее показательные примеры – концепция украинской национальной революции XVII в., сформулированная В. Смолием и В. Степанковым (которая стала предметом, кажется, не слишком продуктивной дискуссии уже *postfactum*, когда она вошла в учебные программы), или традиционная схема украинского “национального возрождения”, представленная покойным В. Сарбеем.

Параллельный проект (начавшийся немного раньше) выполнялся двумя достаточно разными по стилю и характеру осмысления материала историками, которые по-разному проявляют свою альтернативность нормативной историографии. В основу замысла, видимо, была положена идея деконструкции узконациональной линейной истории, хотя, как свидетельствует результат, сама логика разработки учебников (а два тома якобы должны были стать учебниками) в определенной степени противоречит этому. Как и в предыдущем случае, получились разноплановые версии, которые объединены разве что принадлежностью к одному проекту и главное – стремлением представить украинскую историю как часть более широкого исторического и интеллектуального окружения. По построению, стилю изложения, ассоциативным рядам, обновлению фактографии, стремлению выйти за рамки резолютивных конструкций обе работы выглядели достаточно свежо на фоне нынешних массовых учебников с характерными для них формулировками. Их также можно трактовать как попытку выйти за рамки сугубо этнической истории.

В то же время с точки зрения методологии работы этих двух динамичных и открытых новым идеям историков едва ли представили какие-то инновации (вернее, их новаторство очевидно только в украинс-

ком интеллектуальном контексте). Работа Н. Яковенко предлагает довольно неожиданный конгломерат не совсем обычной для большинства современных украинских историков антропологической истории и продиктованных жанром учебника попыток изложить обычную линейную версию, правда, без традиционных детерминистских пассажей.

Версия Я. Грицака является попыткой подать новую историю Украины в свете некоторых признанных подходов западной историографии к проблемам национализма и ввести в обращение инструменталистские версии нациогенеза. При этом автор периодически возвращается на рельсы телеологии и явной или скрытой идеи имманентного национального бытия – особенно в той части, где он ретранслирует идею И. Лысяка-Рудницкого о “домодерной” и “модерной” украинской нации.

Обе работы, безусловно, нарушили упомянутую идеологическую монотонность. Обе стали примером того, как при наличии минимального, но нового для интеллектуального окружения методологического инструментария, можно нетрадиционно изложить традиционные факты. Наконец, обе отмечены стремлением вернуться к “нормальному” историописанию, не завязанному непосредственно на идеологической конъюнктуре. Тем не менее, обе работы оставляют впечатление “проходных” для их авторов. Возможно, тут сработала упомянутая выше необходимость ответить на некоторые традиционные вопросы при помощи традиционного словаря, возможно – жанр и формат издания, возможно – временной прессинг и отсутствие качественной интеллектуальной конкуренции внутри страны. В любом случае, эта первая “коллективная” серьезная попытка избежать классической национальной схемы писания истории реализовалась лишь частично. И если у Н. Яковенко с ее материалом и большей жанровой свободой не возникло особых проблем с тем, чтобы выйти за рамки обычной патриотической схемы,⁶ то Я. Грицаку было значительно труднее не только

⁶ На мой вопрос о методологии упомянутой работы автор ответить не смогла. Достойна упоминания последняя по времени выхода работа Н. Яковенко “Параллельный мир”, которая, если не считать нескольких комплиментарных газетных рецензий, еще не стала объектом качественной профессиональной дискуссии. В очерке “Сколько лиц у войны” автор дает интересный образец того, как с помощью спокойного, профессионального анализа аутентичных и вторичных текстов можно оспорить интерпретации в духе “реверсивной национализации истории”. Я не рискну играть с терминами “позитивизм” или “постмодернизм”, описывая метод Н. Яковенко, – мне кажется, здесь просто присутствует профессиональный подход к делу, свободный от затмения поп-патриотизма.

из-за необходимости линейно изложить процесс “формирования украинской модерной нации”, но и вследствие того, что ему пришлось описывать логику довольно типичного для Восточной Европы проекта модерности, пусть и употребляя при этом непривычную для украинского читателя терминологию.

Однако оба упомянутых проекта внушают надежду на то, что в ближайшее время “книга бытия Украины” будет, наконец, завершена, по крайней мере, в ее основных аспектах, а проект модерности будет реализован в основных его составляющих и по классическому сценарию. Можно ожидать, что достижение “критической точки” в наполнении резервуара патриотической историографии станет толчком к обновлению методологического инструментария и к выходу в более широкое познавательное и интерпретационное пространство. Такие тенденции, хотя они и остаются пока что признаком меньшинства, становятся все более ощутимыми, и в современных условиях у них будут шансы на нормальное развитие.

Методологические инновации: формирование пространства

Признаками методологической неразвитости современной украинской историографии можно считать недостаточное количество методологических дискуссий и почти полное отсутствие качественной самооценки. Спорадические публикации статей в “Украинском историческом журнале”, в рубрике, посвященной методологии, не вызвали никаких отзывов – либо из-за качества самих публикаций, либо вследствие того, что методологические публикации в таком журнале и до сих пор считаются (или считались) “законодательными”, а скорее всего – из-за отсутствия развитой интеллектуальной среды, способной такую дискуссию поддержать. В определенной степени этот пробел был заполнен отдельными публикациями в “Критике” и “Украинском гуманитарном обзоре” – но и там методологические проблемы нередко терялись в выяснении деталей или столкновении амбиций – свидетельство того, что культура интеллектуальной дискуссии утрачена

Новые для Украины веяния в методологической сфере стали появляться в 1990-е годы. Наиболее характерным признаком этого периода было расширение научного словаря – процесс, который сначала превратился в своеобразную полуинтеллектуальную моду и выявил вопиющую нехватку терминологической культуры. Даже сейчас среди украинских историков очень сложно встретить тип “правоверного номиналиста”, который, оперируя базовыми понятиями, объяснял бы

их содержание и обуславливал правила интеллектуальной игры, начиная свое изложение. Читателю предоставляется полная свобода в попытках понять, какой именно смысл вкладывает автор в то или другое понятие. Возможно, в этом нет ничего дурного, когда речь идет о системе с развитой понятийной структурой, однако при ее отсутствии возникает бесчисленное количество недоразумений, которые делают невозможным начало продуктивной дискуссии. Настоящей эпидемией стала привычка жонглировать звучными, внешне привлекательными наукообразными терминами, которые очень часто не отвечают смыслу изложения или вообще не имеют отношения к предмету обсуждения. Можно написать: “авторское понимание темы”, а можно “концептуальный дискурс нарративной парадигмы”, – впрочем, и в этом есть польза, ибо настоящий профессионал легко поймет, где он имеет дело с текстом, а где просто с “жилеткой для фасону”. Наконец, некоторые авторы, стремящиеся “соответствовать”, заряжают в текст целые обоймы громких фамилий, которые “на слуху”. Существует настоящая мода на имена – тут уже действует случайность: кто-то набрел на М. Бубера, кто-то – на Б. Андерсона, Э. Геллнера или М. Фуко, и тогда выстраивается ряд дразнящих глаз цитат и терминов, демонстрирующих “продвинутость” автора, однако мало что дающих для понимания предмета обсуждения.

Можно надеяться, что в ближайшее время начнется переход от методологического неопитства с его увлечением формальной терминологией и соответствующей поверхностностью к действительно фундаментальному, систематизированному овладению методологией анализа исторических источников с соответствующим переосмыслением проблем отечественной истории. Нельзя не заметить первых положительных признаков в этой сфере. С одной стороны, все длиннее становится полка переводной литературы, посвященной вопросам методологии истории. Рождает надежду и то, что все большее внимание уделяется качеству этих переводов, которое вызывало серьезные нарекания. С другой стороны, увеличивается “физическая масса” ученых, у которых были и есть шансы непосредственного контакта с работами методологического характера на языке оригинала. Это создает качественно новую ситуацию непосредственного обогащения методологического пространства. Насколько это обогащение является функциональным, насколько оно реально отражается на качественном развитии профессиональной сферы – другой вопрос, но об этом речь пойдет дальше.

Определенные начальные попытки методологического анализа современной украинской историографии или ознакомления с разнообразными методологическими версиями данной проблемы предприняты в работах последних лет.⁷ Характерно, что они основываются на изучении классического периода развития украинской общественно-научной мысли, когда она непосредственно контактировала с европейской. Отсюда перебрасывается мостик в современность. Конечно, эти работы еще не могут претендовать на статус фундаментальных методологическо-аналитических исследований, способных качественно поднять уровень наших знаний. В то же время, по крайней мере в некоторых базовых интерпретационных аспектах, они демонстрируют явное отклонение от нормативной историографии и движение в сторону разнообразия познавательных схем, не говоря уже о том, что они реабилитируют идею единства интеллектуального пространства с “Европой”. Весьма интересным можно считать то обстоятельство, что упомянутые исследования были защищены в качестве квалификационных работ – докторских диссертаций.

Отдельного упоминания заслуживает учебник Ирины Колесник “Украинская историография. XVIII – начало XX столетия”.⁸ Это фактически первая на Украине попытка систематической оценки современного состояния украинской историографии – книга содержит обширные и чрезвычайно интересные комментарии методологического характера, адресованные историографической ситуации середины 1990-х годов. Для нас они интересны, прежде всего, тем, что достаточно четко отражают направленность методологических поисков той части ученых, которая на такие поиски способна: с одной стороны, авторские обобщения содержат явные рудименты нормативной историографии и упрочивают и без того устоявшиеся шаблоны, с другой – очевидно стремление автора ввести в украинский интеллектуальный контекст новые для него аналитические схемы и понять их функциональность и применимость. Характер рассуждений автора свидетельствует о сознательном и уже достаточно структурированном стремлении к обогащению методологического про-

⁷ Ю. Левенець. Теоретико-методологічні засади української суспільно-політичної думки: проблеми становлення та розвитку (друга половина XIX – поч. XX ст.). Київ, 2001; В. Масненко. Історична думка та націотворення в Україні (кінець XIX – перша третина XX ст.). Київ – Черкаси, 2001.

⁸ І. І. Колесник. Українська історіографія. XVIII – початок XX століття. К., 2000.

странства, и одновременно о том, что “ноу-хау” в этой области – дело будущего.

Впрочем, это те самые первые шаги, без которых невозможно дальнейшее движение, это почва, на которую будут опираться историки, стремящиеся к методологическому разнообразию и понимающие его смысл. Упомянутые работы – наглядное проявление тенденций, которые становятся все более очевидными: относительно продолжительное существование украинской историографии в условиях методологического вакуума, распространение эрзац-методологий в виде переизданий традиционных национальных школ или спорадических и довольно формальных заимствований познавательных-аналитических моделей или просто терминологии с Запада породили научный и преподавательский спрос на исследования по методологии истории, которые должны были бы сформировать то интеллектуальное пространство, в каком становятся возможными методологические поиски. Мы являемся свидетелями начала перехода к нормальному состоянию методологического разнообразия и, следовательно, – к формированию новой исследовательской культуры.

Одно из наиболее серьезных препятствий, которое сдерживает начало этого перехода – уже упомянутое отсутствие стабильной интеллектуально конкурентной среды. Поскольку подавляющее большинство студентов исторических факультетов учится фактически в рамках “национализированной” истории (а нередко и в рамках “отредактированной” классово-формационной парадигмы), можно надеяться разве только на то, что какая-то часть выпускников выйдет с тех кафедр, где происходят изменения (здесь явно лидируют Львовский университет и Киево-Могилянская Академия, очевидны подобные тенденции в Харьковском и Запорожском университетах, до определенной степени – в Днепропетровском университете – перечислены только известные автору примеры, возможно, их больше), либо на то, что увеличение физической массы ученых с новым методологическим мышлением произойдет за счет обучения в аспирантуре под присмотром наиболее продвинутых в этом отношении специалистов, что в идеале должно привести к формированию *стабильных научных школ*. (Н. Яковенко уже начала этот процесс “явочным порядком”, тщательно и очень избирательно собирая вокруг себя молодых исследователей и аспирантов и “выталкивая” их в другие интеллектуальные пространства – тут очень пригождаются ее контакты с польскими коллегами). В любом случае, начавшийся таким образом процесс формиро-

вания научных школ требует времени и серьезных институциональных перемен.

Институциональные аспекты

Объяснение некоторых методологических проблем современной украинской исторической науки требует рассмотрения институциональных проблем. Речь идет не только о зависимости функциональных возможностей науки от ее институциональной инфраструктуры – эта зависимость никогда не бывает линейной и непосредственной. Речь идет также и о том, что история, как наука тесно связанная с общественными институтами, ощущает их влияние и сама на них влияет, и это взаимодействие отражается на ее внутреннем развитии.

Начнем с институционального взаимодействия между идеологией и научным знанием. Одним из базовых тезисов будет то, что характер этого взаимодействия изменяется очень медленно и главная причина тут – чрезвычайно мощная институциональная инерция всей системы отношений “идеология – общественные институты – наука”. Советская модель была простой и достаточно функциональной: идеология в этом тандеме доминировала, наука выполняла идеологические заказы в границах довольно узкой парадигмы, которую по исторической иронии называли “марксистской”. Существовала четкая иерархия в структуре идеологических заказов, которые всегда направлялись свыше к низам исполнительных структур – высшие академические учреждения имели право на расширенное комментирование и даже научный или наукоподобный анализ базовых идеологических постулатов; высшее образование, средняя школа и учреждения дошкольного воспитания имплантировали готовые смысловые структуры, которые де-факто были идеологическими штампами, в сознание новых поколений “строителей коммунизма”.

Структура лояльностей и ценностей советского общества исключала инициативу в переосмыслении этих смысловых структур на уровне образовательной системы – она всегда имела дело с “готовым продуктом”, который поставлялся академической и частично вузовской наукой и освящался идеологией, имеющей ярко выраженные черты ортодоксальной теологической доктрины. Академическая наука (весь набор обществоведческих дисциплин), институционально отделенная от образовательной системы, исполняла относительно идеологии сугубо сервисные функции, любые “отклонения” разрешались разве что

на уровне центральных институций и, естественно, в рамках “марксистско-ленинской” идеологии (“официально признанное диссидентство”, появившееся во второй половине 1960-х гг., заслуживает отдельного исследования).

Первый кризис этой идеологии (вторая половина 1950-х – начало 1960-х гг.) привел к очень осторожным попыткам ревизии отдельных аспектов “отечественной истории”, естественно, в рамках официальной идеологии. В первой половине 1980-х гг. наблюдалась вторая попытка вернуться к “настоящему марксизму” (без сдвигов в историографической сфере), и, наконец, во второй половине 1980-х гг. попытка адаптировать к современным условиям некоторые концепции действующей идеологии привела к ее тотальной ревизии и краху. Так или иначе, наиболее отчетливо выраженные импульсы перемен приходили всегда с верхов иерархии.

Возможно, только во второй половине 1980-х гг. привычный сценарий редактирования идеологических постулатов “свыше” был частично нарушен, поскольку ситуация вышла из-под контроля идеологических структур, по крайней мере в центре (имеется в виду СССР в целом). Публицистика явно сработала на опережение в трактовке наиболее скандальных страниц советской истории – тон и направленность критики вышли за границы, установленные инициаторами “перестройки”. Правда, историческая наука довольно медленно реагировала на эти перемены, особенно на Украине. Сигналы “свыше” приходили с запозданием, как свет тех звезд, который доходит до Земли тогда, когда сама звезда уже угасла. Отвечая на эти сигналы, историки оказались в арьергарде событий. Институциональная зависимость от идеологических структур противоречила возможности “быстрого реагирования” на новое. К этому добавлялись некоторые сугубо профессиональные проблемы (необходимость овладеть новым массивом информации и переосмыслить ее, очень медленный процесс расширения доступа к информации) и, естественно, конкретная политическая ситуация в регионах. Украину называли “заповедником застоя” – здесь динамика изменений второй половины 1980-х гг. была минимальной благодаря личной позиции В. Щербицкого и его окружения.

В начале 1990-х гг., особенно после получения Украиной формального статуса независимого государства, центральные идеологические институции частично исчезли, но большая их часть трансформировалась в процессе адаптации к новым условиям. Фактически не изменился личный состав этих трансформированных институций. Челю-

век, который стоял во главе республиканской идеологической пирамиды в конце существования УССР, стал президентом независимой Украины. Кафедры истории партии в ВУЗах превратились в кафедры истории Украины и фактически сохранили выражено идеологические функции (то же случилось и с другими предметами гуманитарного цикла: научный атеизм трансформировался в религиоведение, научный коммунизм – в историю Украины, в некоторых случаях – в “украиноведение”). Подавляющая часть сотрудников этой пирамиды осталась на своих местах. Фактически не изменились и характер внутренних связей, и отношения внутри системы. Они остались иерархическими и патерналистскими.

Не стоит забывать и о масштабном экономическом и инфраструктурном коллапсе науки в целом, преодоление которого начинается только сейчас (то, что сотрудники академических институтов хотя бы получают зарплату, равняющуюся законодательно установленному прожиточному минимуму или чуть превышающую его, уже считается положительным сдвигом). Отсутствие зарплаты, даже мизерной, скрытая безработица, упадок материальной базы – не стоит комментировать, как это повлияло на готовность ученых к тому, что сейчас называют модным термином “изменение дискурса”. Борьба за физическое выживание не способствовала интеллектуальным поискам.

Все это – реадaptация старых структур вместе с их институциональным упадком – решающим образом сказалось на инновационном потенциале гуманитарных наук. Он был сведен к минимуму. В иерархической структуре инициатива должна начинаться сверху. Наверху железная логика событий подсказывала единственный приемлемый и проверенный, характерный для посткоммунистических элит (и не только них) способ легитимизации и инноваций – “возвращение к корням”. Очень характерно то, что в начале 1990-х гг. именно по приказу сверху была начата попытка ревизии истории, в данном случае – реконцептуализация истории СССР в историю Украины (структура взаимодействия была старой: партийная институция, будучи в кризисном состоянии, обратилась к представителям “идеологического фронта” с предложением “внести предложения”). В 1990 г. при ЦК КПУ была создана комиссия, которая разработала масштабную программу “национализации истории” – от массовой публикации источников до издания школьных учебников. Это была очень интересная для современного исследователя смесь традиционных советских классовых концепций с элементами диаспорного варианта национальной истории. Возмож-

но, самое парадоксальное то, что фактически всю первую половину 1990-х годов украинские государственные научно-исследовательские и учебные учреждения фактически исполняли это “завещание” (а некоторые его элементы воплощаются в жизнь и сейчас), не осознавая, что они продолжают выполнять программу партии, которой уже не существует. Возможно, это было одним из проявлений несостоявшейся “декоммунизации” Украины.

Этот вариант “возвращения к корням” естественным образом трансформировался в реставрацию традиционных познавательных конструкций эпохи “первого создания нации” - и тогда не только портрет Грушевского оказался там, где раньше был портрет Ленина, но и его историческая конструкция заняла почетное место среди методологических “нововведений” столетней давности. Наиболее показательным примером неизменности функциональной иерархии стала фантастическая попытка “государственного заказа”: колоссального по объему проекта “История украинского народа” в 15 томах. Заказ пришел сверху, где в то время о Грушевском как об авторе подобной истории знали в “очень общих чертах”; структуры, которые должны были выполнять задание, отреагировали обычным образом, т.е. началась разработка концепций. К счастью, у заказчика, то есть у государства, не оказалось денег, и грандиозный проект остался на бумаге. (Не стоит забывать, что большие коллективные проекты в иерархических патерналистских структурах являются средством физического выживания институций – под такие проекты легче добывать бюджетные средства и именно на них содержать штатных сотрудников, по крайней мере, выплачивать им зарплату – так, например, последние четыре года коллектив Института истории Украины Национальной Академии наук получал довольствие за счет подготовки “Украинской исторической энциклопедии”).

В целом оказался ненарушенным и принцип географической иерархии. Центральные научные учреждения имели статус ведущих – довольно часто не вследствие большего интеллектуального потенциала, а в силу относительных институциональных привилегий (сотрудники академических институтов формально не должны преподавать – времени на исследования у них больше) и приближенности к контролирующим и властным структурам. Этот эксклюзивный, но достаточно формальный статус работал против всех – передел институциональной иерархии в интеллектуальную создавал атмосферу приспособленчества, делал невозможным открытое соревнование идей и, в конеч-

ном счете, приводил к интеллектуальному застою со всеми вытекающими последствиями для науки. Образ “провинциального доцента”, который путешествует по коридорам центрального научного учреждения в поисках титулованных рецензентов, оппонентов и прочих символов и рычагов, которые укрепят его научное реноме в региональном ВУЗе, еще не стал призраком прошлого.

Впрочем, некоторые признаки децентрализации внутри самой системы становятся все более и более очевидными. Уже шла речь о том, что часть “провинциальных” вузов все более уверенно претендует на самостоятельность, при них реализуются вполне конкурентоспособные собственные исследовательские проекты. Можно упомянуть, например, два довольно качественных энциклопедических проекта: один проводился во Львове (Энциклопедия истории Украины), второй – в Запорожье. Именно запорожская инициатива стала настоящим вызовом “центру”: запорожские историки очень серьезно посягнули на монополию Киева, издав “Энциклопедию казачества” и опередив, таким образом, коллег из созданных при Институте истории Украины Института казачества и Института военной истории. Научной и ресурсной базой обоих проектов выступали “региональные” университеты.

Таким образом, с достаточной очевидностью можно утверждать, что институциональная иерархия, созданная в советское время, изживает себя, все более явными становятся тенденции к децентрализации и выравниванию возможностей “центра” и “провинции”.

Поиски альтернатив

Интересным и, очевидно, позитивным новым явлением стало создание новых исследовательских центров и появление новых источников финансирования исследований. За последние десять лет было создано несколько новых учреждений, прямо или косвенно связанных с исследованием украинской истории: Институт исторических исследований при Львовском университете, Центр усовершенствования преподавания и исследований истории в том же университете с сетью партнерских кафедр в других ВУЗах, созданный в рамках мегапроекта фонда “Возрождение”, Восточноевропейский центр украинских исследований в Харьковском университете, Институт Центрально–Восточной Европы и Институт востоковедения в Академии наук. Все эти центры должны были в большей или меньшей степени представить

альтернативный официальному вариант организации научных исследований в своих областях. Все они после оптимистического и амбициозного старта потерпели или терпят неудачу вследствие ряда причин, среди которых главными, вероятно, являются четыре. Первая – полная финансовая зависимость от доноров и неспособность построить перспективную политику нахождения фондов или же отсутствие условий для такой политики. Вторая – недостаток внутренней институциональной стабильности, вызванный чрезмерной персонификацией большинства этих учреждений (все они зависят от физического присутствия той или иной личности, которая инициировала их возникновение, и способности этой личности найти деньги). Третья – недостаток опыта в формировании стратегий институционального развития и неблагоприятное внешнее окружение, в котором присутствие небольших исследовательских единиц, удерживающихся за счет финансовых донорских поступлений, воспринимается скорее как способ дополнительного заработка, чем как нормальный вариант функционирования гуманитарной науки. И наконец, последняя, и возможно, самая фундаментальная причина – это то, что все названные центры создавались в рамках существующей системы, с целью реформировать ее изнутри. Конечно, в момент их создания трудно было помыслить возникновение чего-либо подобного *вне* системы – провал был бы гарантирован. Тем не менее, общий результат институциональной деятельности в рамках существующей системы известен: в той или иной степени все перечисленные центры были абсорбированы институциями, при которых они возникли, и их нынешняя судьба весьма далека от планировавшейся. хотя, конечно, вряд ли можно отрицать их позитивную роль на локальном уровне.

Более удачным “децентрализованным” проектом можно считать появление новых изданий, философия существования которых построена на принципе независимости от официально признанных структур. Журналы “Критика” (теперь уже и издательство), “Украинский гуманитарный обзор”, “Ї”, “Восток-Запад” (очевидно, список неполный и ни один из них не является сугубо историческим изданием) стали явлением, которое нельзя игнорировать. Они также зависят от донорских поступлений, но благодаря малой институциональной обременительности, динамичности и возможности хотя бы частичной самокупаемости некоторых из них им пока удается удерживаться на поверхности и составлять реальную интеллектуальную конкуренцию официальным институциям, фактически опережая их. Этот успех тем

более поражает на фоне длительного упадка традиционных академических изданий, упадка, порожденного даже не столько финансовыми причинами, сколько “кризисом жанра”, когда качество научной продукции, предлагаемой редакциям, не соответствует даже минимальным требованиям, отчего редакционные портфели пустеют.

Не в последнюю очередь давление со стороны этих изданий вынудило официальные институции реагировать. Так, Институт истории Украины основал два издания: альманахи “Ruthenica” и “Социум”, которые обещают разнообразить историографическое поле и могут стать трибуной наиболее динамичной части ученых, работающих в государственных исследовательских учреждениях. Наблюдаются попытки реанимировать “Украинский исторический журнал”, но совершенно ясно, что без пересмотра редакционной политики у него есть шансы превратиться в антикварное издание.

Можно с уверенностью утверждать, что, несмотря на неоднозначность результатов институционализации альтернативных научных центров, именно этот процесс стал одним из наиболее заметных катализаторов начала обновления украинской историографии. Возможно, он сам со временем выйдет на новый качественный уровень, возможно, со временем, с нормализацией экономического положения науки, появятся условия для расширения этого процесса – в любом случае он представляет собой проявление глубинных тенденций, связанных с изменением системы организации науки вообще и историографии в частности.

“Запад нам поможет”?

Чуть ли не наиболее очевидным позитивным сдвигом последнего десятилетия стало расширение контактов с более широким интеллектуальным окружением, прежде всего, с “далеким зарубежьем” (к сожалению, это происходило на фоне сворачивания контактов с коллегами из зарубежья ближнего). Но не стоит вдаваться в долгие рассуждения о пользе общения с представителями других интеллектуальных традиций и научных школ – это будет повторением общеизвестного. Однако имеет смысл попытаться прокомментировать качество этих контактов.

Изначально это общение было интеллектуально неравноправным – зарубежные коллеги были интеллектуально более раскрепощенными, лучше ориентировались в методологическом разнообразии, обладали

более высокой культурой дискуссии. (О диспаритете материального и технического обеспечения, который, возможно, никогда не удастся преодолеть, писать не хочется, чтобы не портить настроение читателям). Украинские историки считали своим преимуществом доступность архивов и аутентичных источников, что в определенной степени компенсировало неравенство в общении – можно было утешаться приближенностью к “настоящей” истории, хотя всем известно, что, например, советскую историю наши западные коллеги писали и понимали достаточно адекватно и без архивных источников.

Десятилетие все более расширяющегося профессионального обмена в определенной степени сократило интеллектуальный разрыв – по крайней мере, сейчас некогда чуждые и непонятные профессиональные идиомы стали частью общего словаря и можно говорить о начале становления общего интеллектуального пространства. Этому очень способствовало также увеличение объемов переводов (независимо от их качества). Определенный парадокс можно увидеть в том, что сегодня зарубежные исследователи нередко имеют лучшие шансы в украинских архивах и библиотеках, так как у них есть деньги, а следовательно – и более широкие “технические” возможности доступа.

Впрочем, главная тенденция становится все более очевидной – возникает интеллектуальный паритет в профессиональном общении. Однако он достаточно часто ограничивается узким кругом “продвинутых”. Интенсивные контакты с зарубежьем (как персональные, так и через научные работы) нередко становятся привилегией ограниченного количества специалистов. Безусловно, это можно воспринимать как вполне естественное явление – всегда есть более активная часть и есть пассивное большинство, однако тут также возникает проблема интеллектуальной монополии и взаимного отчуждения. “Посвященные” в интеллектуальные тонкости стремятся общаться с себе подобными, а масса “непосвященных” имеет возможность и дальше прозябать в своих “региональных” ВУЗах, продуцируя себе подобных. Такой взаимный изоляционизм только усиливает уже упомянутую нехватку интеллектуальной конкуренции и ухудшает общие возможности развития.

Кроме того, сугубо институционально возникает проблема, которую можно было бы обозначить как “неравенство доступа”. У киевского историка намного больше шансов попасть на стажировку в зарубежный университет и установить прочные профессиональные связи с западным коллегой, чем, скажем, у винницкого или харьковского.

Эту территориальную диспропорцию пытались компенсировать целенаправленной селекционной политикой и массированным “походом в провинцию” те программы обмена учеными, которые действуют на Украине (Fulbright, IREX, ACCELS, программы British Council и другие), однако территориальная диспропорция остается. Более того, возникает опасение, что наличествующий интеллектуальный ресурс, способный соответствовать требованиям данных программ, уже исчерпан (по крайней мере так сформулировала проблему директор киевского бюро программы обменов им. Фулбрайта в беседе с автором этих строк).

Наконец, еще одно парадоксальное следствие расширения контактов с зарубежьем – это тот дискомфорт, который испытывают причастившиеся из чаши интеллектуальной свободы и разнообразия. Как бы там ни было, значительное количество ученых рассматривают выезд за границу на стажировку или по краткосрочному контракту не только как средство профессионального роста, но и как возможность на определенное время стабилизировать свое материальное положение. Грубо говоря, они оказываются в положении “бедных родственников”, что явно не способствует душевному комфорту. Но после удачной (интеллектуально и материально) поездки они возвращаются в окружение тех, кому не пришлось и в большинстве случаев и не придется побывать “там”. Варианты этого возвращения в научные пенаты, на родную кафедру, факультет, отделение бывают разными – от скрытого до откровенного конфликта с окружением, до желания добавить свою кандидатуру к тем тысячам украинских ученых, которые за время независимости выехали за границы своего новорожденного отечества. И чем младше по возрасту ученый, чем менее он является заложником своей предыдущей карьеры на родине, тем сильнее для него искушение выбора в пользу Запада. Естественно, между двумя полюсами могут быть другие варианты и даже счастливые примеры сеяния “разумного, доброго и вечного” среди студентов и коллег, но это не меняет общей картины: “контрактники” с Западом чаще всего остаются белыми воронами. Спектр отношений с ними можно описать так: от осторожного приятия и выжидательной нейтральности до прикрытого или откровенного неприятия.

Ситуация “свой среди чужих, чужой среди своих” может измениться только при условии выравнивания общего интеллектуального уровня историков (выравнивания за счет повышения этого уровня до определенных, принятых в мире стандартов). Речь идет о знании иностран-

ных языков, доступе к информации, осведомленности в современных научных течениях, базовой профессиональной подготовке исследователей. Все это требует времени, денег и, конечно же, пересмотра государственной политики в области подготовки кадров высшей научной квалификации. Но это, пока что, – из области фантастики.

Вместо выводов

Приведенные наблюдения и рассуждения сами по себе едва ли могут претендовать на оригинальность и быть неожиданными для профессионального сообщества. Думается, они просто помогают структурировать наше видение некоторых, далеко не всех, проблем современной украинской историографии. Эти проблемы все более широко обсуждаются в прессе, на научных форумах, в стенах исследовательских и учебных учреждений, в частном общении. Поэтому не стоит завершать этот опус какими-либо резолютивными выводами. Как бы банально это ни звучало, выводы сделает сама жизнь. А мы пока что – ее часть.

Post scriptum

Уже после передачи этой статьи в редакцию *AI* мне удалось прочитать статьи моих украинских коллег, посвященные этой же теме. Как оказалось, мы, фактически, мыслим в тех же категориях. При некоторых расхождениях в оценках самих себя и своей деятельности, бросается в глаза, что общий диагноз нашего консилиума в основных чертах совпадает. Можно было бы порадоваться этому обстоятельству, если бы не одна деталь – все украинские авторы, представленные здесь, принадлежат к разным поколениям, являются членами упомянутой команды “продвинутых” и ведут диалог в своем кругу.

А что происходит в сфере “нашего” общения с “Западом”? Обращает на себя внимание то, что период романтического восприятия “западных” наработок, стиля и риторики уже проходит. Возможно, у части тех, кто постоянно контактирует с западными коллегами и идеями, наступает период критического восприятия и переосмысления, они уже ощущают себя равными среди равных, спокойно и комфортно общаются с теми, на кого раньше приходилось смотреть со здоровой завистью. Если раньше существовал дисбаланс между “западными” и украинскими коллегами, то теперь возникает такой же дисбаланс между “продвинутыми” и “не очень” у себя дома. И этот дисбаланс, как мне

кажется, вызывает взаимное раздражение и неприятие уже в среде национального профессионального сообщества и, что особенно опасно, – часто неосознанное желание поучать отсталых. Иронически поднятая бровь нередко присутствует в контактах “посвященных” с непосвященными, что явно приводит к взаимному отчуждению

И, наконец, последнее соображение “по поводу”. Все украинские авторы, включая пишущего эти строки, отмечают как доминирующую тенденцию стремление большинства историков к патриотической, эксклюзивной по типу истории. И практически никто не предлагает фундаментальных альтернатив *методологического* характера. Призыв к постмодернистским или постколониальным ре-интерпретациям звучит достаточно мило, однако в этом варианте, как мне кажется, он выглядит несколько неструктурированно и чересчур прямолинейно. Это, скорее, благое пожелание, чем взвешенная, продуманная идея или, тем более, – заявка на исследовательскую стратегию. Складывается впечатление, что пока речь идет о желании соответствовать моде, а не о реальном методологическом выборе – признаки последнего станут очевидными лишь с появлением соответствующих серьезных методологических работ.

Мы, видимо, подошли к этапу, когда разрушение традиционных исследовательских схем и познавательных иерархий теряет смысл, так же как и простая “приватизация” или “национализация” определенных сегментов общеимперской или же “общеисторической” истории. Возможно, наступает время дискуссии, направленной на поиск моделей разноуровневых интерпретаций некоего общего прошлого, моделей, не имеющих ничего общего с проектом пропорционального “раздела имущества” в бывшем имперском “доме”. Впрочем, это только предположение.

SUMMARY

In his article Georgii Kas'ianov focuses on dilemmas of writing of history in post soviet Ukraine. The author depart from a paradox of the contemporary Ukrainian political and intellectual elite's reverting to the language of nation building of the 19th century. He analyzes the canons of Ukrainian writing on national identity and later layers of Marxist historiography and relates them to the political and intellectual conjuncture of the

post soviet period to understand the growing domination of ethnocentric and nation-legitimizing approaches to the past. Working toward an explanatory model for understanding historiographic development and prevailing modes of construction of the past, Kas'ianov proposes to view those intellectual processes as the intersection of essentially incomplete modern agenda of nationbuilding and the post-modernist realities of the world, gravitating toward integration and globalization. Concluding his survey of innovative works on Ukrainian history and conceptual-institutional context of development of historical scholarship the author observes promising signs of renewal and diversification of contemporary Ukrainian historiography, especially under the impact of more sustained and systematic discussions of methodological aspects of historical scholarship.